

DOI: 10.17976/jpps/2017.04.07

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИУМАХ

И.П. Цапенко, Г.А. Монусова

ЦАПЕНКО Ирина Павловна, доктор экономических наук, зав. сектором Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Для связи с автором: tsapenko@bk.ru; **МОНУСОВА Галина Алексеевна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Для связи с автором: g.monusova@gmail.com

Цапенко И.П., Монусова Г.А. Интеграционный потенциал этнокультурного разнообразия в европейских социумах. – Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 90-105. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.07>

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-07-00008 “Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма”

Статья поступила в редакцию: 23.12.2016. Принята к печати: 06.04.2017

90

Аннотация. Статья посвящена происходящим в европейских странах этнокультурным сдвигам, их политическим последствиям, возможностям и условиям реализации интеграционного потенциала разнообразия. Рассмотрение этих вопросов осуществляется с позиции идентитарного подхода в контексте теорий конфликта и контакта и опирается на микроданные Европейского социального исследования. Показано, что глобальная миграция способствует нарастанию этнокультурной неоднородности принимающих социумов и становится все более значимым фактором снижения в них доверия, их разобщения и дестабилизации. В условиях миграционного кризиса в ЕС усилились угрозы перерастания этнокультурных противоречий в разрушительный конфликт идентичностей. В то же время, следуя логике развития миграционных процессов и их последствий, можно полагать, что резкая эскалация межкультурного противоборства носит преходящий характер. В статье выделяются факторы, благоприятствующие улучшению межэтнических отношений. Приводятся примеры того, как разнообразие способствовало ослаблению межкультурных антагонизмов, превращению расколотых сообществ в социальные организмы, функционирующие по принципу “*E Pluribus Unum*”. Для реализации позитивного потенциала разнообразия необходимы действенные, отличные от мультикультурализма и ассимиляции, модели организации межкультурных отношений, базирующиеся на признании существования в обществе этнических и прочих различий и ориентированные на поиск основ сближения представителей разных культур. Учитывая, что как омникультурализм, акцентирующий общность человеческой природы, так и поликультурализм, представляющий культуры и народы как продукт пересекающихся историй и взаимосвязей разных этнорасовых групп, могут на практике иметь лишь ограниченный и спорный эффект, более привлекательные перспективы сулит интеркультурализм, делающий ставку на поиск общих людских интересов и налаживание снизу позитивного межкультурного взаимодействия. Хотя интеркультурные практики пока не многочисленны, они уже позитивно себя зарекомендовали на локальном уровне, что обуславливает необходимость поиска механизмов практической реализации таких инициатив на субнациональном и национальном уровнях.

Ключевые слова: иммиграция; этнокультурное разнообразие; межэтнические и межконфессиональные отношения; этнические конфликты; идентичность; интеграция; интеркультурализм; Европейское социальное исследование.

Кризис беженства выдвинул миграционные проблемы на передний план в повестке дня принимающих стран. Высказываются опасения, что происходящий в Европе рост численности приезжих с мусульманского Востока еще более обострит проблему интеграции инокультурных мигрантов, и современный кризис обустройства беженцев перерастет в кризис их инкорпорации. В массовых потоках приверженцев иных, незападных ценностей видятся серьезные угрозы безопасности и стабильности государств региона, сохранности западной цивилизации.

За возникновением подобных вызовов и рисков стоит набирающая темп трансформация этнокультурной структуры этих обществ. Учитывая многомерный характер происходящих преобразований, авторы ставили перед собой задачу не только показать дестабилизирующие эффекты этнокультурных процессов в политической сфере, но и выявить наличие и возможности реализации конструктивного потенциала последних. Предпринята попытка проанализировать новые концептуальные подходы к интеграции инокультурных мигрантов и оценить перспективы их практической имплементации. Выводы работы опираются на расчеты с использованием микроданных Европейского социального исследования (*ESS*), содержавшего в 2014 г. специальный “мигрантский модуль”, по 19 европейским странам, где в общей сложности было опрошено 36 тыс. чел.¹

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СДВИГИ В ПРИНИМАЮЩИХ ОБЩЕСТВАХ

Крупномасштабная и все нарастающая иммиграция населения в Европу влечет за собой стремительное укрупнение контингентов приезжего населения, социализировавшегося в иной культурной среде. В 2013 г. в ЕС-26 доля иммигрантов, а также их потомков в первом поколении достигла 16%, а в Швейцарии уже превысила 40% [Indicators... 2015: 17].

В результате иммиграции усиливается пестрота жителей принимающих территорий по странам происхождения, лингвистическим, этническим и конфессиональным принадлежностям [подробнее см. Цапенко 2016]. При этом если страны исхода мигрантов представляют объективные слагаемые разнообразия, то его этнические и конфессиональные характеристики во многом субъективны. Они отражают самоопределение индивидов и групп в отношении своего происхождения или принадлежности, проявляющееся в этнически, культурно обусловленных повседневных практиках и видах общественной активности.

Ввиду того, что в процессе трансграничных передвижений люди зачастую не утрачивают своих исторических корней, прежней культуры, связей с родиной и при этом усваивают и интернализируют новые культуры, элементы этих взаимодействующих культур смешиваются и сливаются, что порождает новые культурные феномены. На границах и перекрестках разных культур происходит диффузия и гибридизация исходных культурных идентичностей [Berry, Epstein 2005: 25]. Конструируются новые — транскультурные — виды самокатегоризации, которые различаются по интегрируемым элементам культуры и типам их представления. Носители таких идентичностей, способные

¹ *European Social Survey. 2014 (ESS 2014)*. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org> (accessed 19.11.2016). Авторам было важно показать глубинные, постепенно формировавшиеся установки населения европейских стран, которые отражают данные *ESS 2014*, а не его ситуативную реакцию на обострение миграционного кризиса в 2015 г. Последующее затухание антииммиграционного эмоционального всплеска, фиксируемое Евробарометром, лишь подтверждает наличие устоявшихся установок. См. *Standard Eurobarometer. Autumn 2016*. No. 86.

адекватно переключать поведенческий репертуар в зависимости от социального окружения и видеть мир сквозь транскультурные линзы, потенциально могут содействовать скреплению фрагментированных сообществ.

Подобные этнокультурные типы самоотнесения довольно пластичны и изменчивы. Лонгитюдное наблюдение за группой уроженцев Великобритании, заявивших в 1991 г. о своей принадлежности к этносам Африки и стран Карибского бассейна, выявило, что спустя 10 лет 20% обследуемых отнесли себя к другому этносу [Aspinall 2011]. Такие типы самоопределения претерпевают дальнейшие метаморфозы у потомков мигрантов и их последующих поколений. Так, если только 40% приезжих выражали культурную идентификацию с титульной нацией среди опрошенных в европейских городах в 2010 г. представителей исламских сообществ, то среди родившихся в Европе – уже 67% [Muslims in Europe... 2010: 256].

В то же время, как свидетельствуют приведенные цифры, маркерные черты самоидентификации, системы ценностей и культуры повседневности представителей незападных этносов и цивилизаций обладают немалой устойчивостью. Консервации относящихся к примордиальной культуре традиций, смыслов, представлений, практик и образцов поведения способствует сохранение диаспорами связей с исторической родиной, их постоянное пополнение все новыми прибывающими оттуда когортами и компактное проживание целого ряда таких сообществ.

В условиях ухудшения демографической ситуации в Европе эти быстро увеличивающиеся инокультурные сообщества постепенно замещают там исконных, коренных жителей, способствуя поляризации соотношения между основными этнокультурными группами, все более оспаривая доминирование титульного народа (народов), его (их) культуры. Согласно прогнозу центра Pew, к 2050 г. доля мусульман достигнет как минимум 10% населения Западной Европы², угрожая исламизацией региона.

Демографическая экспансия инокультурных меньшинств и распространение их идентификаций чреваты размыванием национальной идентичности – консолидирующей основы европейских обществ и усилением рисков их фрагментации. Уже четко обозначаются размежевания между этнокультурными группами. Неравноправный формальный и неформальный статус религии и языка мусульманских групп проявляется там в частности в ограничениях на строительство мечетей и ношение знаков религиозной атрибутики в общественных местах, в узком использовании арабского и других языков, на которых говорят мусульманские меньшинства, в публичной сфере и быту местного населения [Alba 2005].

Явно просматривается и этнизация таких острых социальных проблем принимающих обществ, как безработица, бедность, депривация, социальное неравенство и геттоизация городского пространства, которым в большей степени, в том числе в силу дискриминации, подвержены именно инокультурные меньшинства. Социальная маргинализация, возрастающая территориальная концентрация и сегрегация этнических групп в свою очередь еще более осложняют их социокультурную интеграцию. Эти процессы способствуют воспроизведению отчуждения и укреплению культурной обособленности та-

² *The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050*. URL: <http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010-2050> (accessed 21.04.2017).

ких “параллельных миров”, усиливая риски межгруппового противостояния “мы – они”, его перерастания в конфликт идентичностей.

Немецкий культуролог С. Вертовек квалифицирует происходящие этнокультурные сдвиги в развитых регионах мира как “трансформирующую диверсификацию разнообразия” (*transformative diversification of diversity*), ведущую к появлению “сверхразнообразия” (*super-diversity*). По словам ученого, рост разнообразия означает “не только усложнение состава населения по этносам и странам происхождения, но и умножение существенных параметров, влияющих... на возникновение новых взаимосвязей и взаимодействий” [Vertovec 2007: 1025].

Современная стихийная иммиграция из стран исламского Востока в прохристианскую Европу ведет к массовой инфильтрации в нее чужеродных и депривированных слоев, находящихся на огромной культурной дистанции от местного населения и соответственно наиболее трудно интегрируемых. Эта волна дает мощный импульс увеличению этнокультурной неоднородности принимающих социумов, которое становится все более значимым фактором их функционирования и эволюции, вызывая перемены в их системах социально-политических отношений и конфигураций.

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ

Как свидетельствуют многочисленные исследования, этнокультурные различия обладают большим конфликтогенным потенциалом. При этом этнические конфликты, понимаемые как противостояние, в котором ресурсом мобилизации выступает этническая идентичность, имеют множественность типов и гибридную природу [Семененко, Лапкин, Пантин 2016]. Даже в западных государствах, имеющих высокий уровень благосостояния и прочные демократические традиции, этнокультурные противоречия носят достаточно острый характер и проявляют тенденцию к нарастанию.

В научной литературе распространена точка зрения о негативном влиянии многокультурности на доверие и сплочение в обществе. Из социологической теории конфликта (Л. Козер и др.) вытекает, что разнообразие ведет к усилению конкуренции между группами за власть и ресурсы, порождает враждебность в отношении представителей аутгрупп, питая при этом укрепление внутригрупповой солидарности. Р. Патнэм на материале США показывает, что разнообразие негативно влияет, по крайней мере в кратко- и среднесрочном плане, на социальный капитал: как на “наводящий мосты” между группами (*bridging capital*), так и на “связывающий изнутри” эти группы (*bonding capital*), снижая в целом доверие между жителями. Ученый подчеркивает, что разнообразие провоцирует аномию и социальную изоляцию, “делая людей, живущих в этнически разнообразных сообществах, похожими на черепахи, втянувших голову в панцирь” [Putnam 2007: 137, 149]. Данные ESS также фиксируют статистически значимую связь между представлениями респондентов о количестве мигрантов в их стране и уровнем межличностного доверия: чем больше представителей другого этноса респондент видит в своей стране, тем ниже уровень его доверия к людям.

Современная миграционная волна усиливает дезинтеграционные тенденции и конфликтность, обусловленные разнообразием. Учитывая резкий рост террористических угроз и особенно их реализацию исламистами в 2015-2017 гг.

во Франции, Бельгии, Великобритании, Германии и России, большинство населения не только этих, но и других стран, в частности Венгрии, Италии, Польши и Швеции, видит в беженцах потенциальных террористов. Об этом свидетельствуют данные британского социологического центра *Ipsos Mori*³. Повышается преступность как со стороны приезжих (рост числа случаев насилия в отношении женщин, грабежей и т.д. в Германии, Финляндии, Швеции и других странах), так и местных жителей (поджоги центров временного содержания лиц, ищущих убежища, нападение на беженцев и т.п.). Усиливается радикализация политических ориентаций (в частности во Франции, Австрии и Швеции), которая коррелирует с долей иммигрантов в населении⁴. В 2015 г. представители крайне правых анти-иммигрантских сил Франции, Австрии, Польши, Бельгии и Италии даже создали в Европарламенте свою фракцию “Европа наций и свобод”.

В то же время, следуя логике развития миграционных процессов, можно полагать, что современная эскалация остроты связанных с ними проблем носит временный, привязанный к всплеску текущей волны характер. На намечающееся ослабление напряженности указывают данные Евробарометра: иммиграция, занявшая осенью 2015 г. место главной национальной проблемы стран ЕС, весной 2016 г. уже уступила его безработице, продолжая и далее терять позиции в этом рейтинге. По этой же траектории в последние годы эволюционировал и негативизм населения ЕС в отношении иммиграции из-за его пределов⁵.

Вместе с тем, как свидетельствуют исследования, проведенные на материале Великобритании и ряда других европейских стран, видимое негативное воздействие этнокультурной разнородности общества на сплочение и доверие в нем нередко служит лишь внешним проявлением связи культурных различий с депривацией, экономическим неравенством и пространственной сегрегацией, которые разобщают людей⁶. Конфликты, вспыхивающие в многокультурных обществах, нередко обусловлены социально-экономическими противоречиями и имеют лишь опосредованное отношение к разнообразию. Однако в силу вовлечения в социальные конфликты этнических меньшинств возникает соблазн “культурализации социальных отношений” [Малахов 2014: 92] или истолкования подобных действий, как, например, беспорядков во Франции в 2005 г., в терминах конфликтов разных культур, этносов и конфессий и представления конфликтов интересов как конфликтов идентичностей.

Эту же мысль развивают Е.И. Филиппова и Ф. Герен-Пас: “В расчете на немедленные и сиюминутные выгоды сторонники всевозможных квот, коллективных прав и привилегий способствуют эссенциализации и институционализации культурных различий, сохранению неравенства и конфликтного потенциала в обществе. За фасадом ‘культурного многообразия’, представленного тонким слоем ‘этнических’ элит, неразличимы судьбы тысяч ‘обычных’ граждан, которым нужны не столько ‘специфические культурные права’, сколько равный

³ Global Views on Immigration and the Refugee Crisis. – *Ipsos Mori*. July 2016. P. 19. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/2016-08/Immigration_and_Refugees-July_2016.pdf (accessed 05.04.2017).

⁴ Так, удельный вес избирателей Партии свободы Австрии увеличивается на 0,16 п.п. при повышении доли мигрантов в населении этой страны на 1 п.п. См.: Halla M., Wagner A., Zweimüller J. *Immigration and Far-Right Voting: New Evidence*. 29 November 2015. URL: <http://voxeu.org/article/immigration-and-far-right-voting-new-evidence> (accessed 15.12.2016).

⁵ *Standard Eurobarometer*. Autumn 2016. No. 86. P. 8, 29.

⁶ Demireva N. Immigration, Diversity and Social Cohesion. – *Migration Observatory Briefing*. 21.07.2015.

доступ к общим социальным и культурным ресурсам” [Филиппова, Герен-Пас 2015: 18-19]. Манипулятивное “использование этнической идентичности и ее проекций в разных сферах социальных взаимодействий — от образования, языковой политики и политики памяти до трудовых отношений и экологии — в политическом целодостижении, в борьбе за экономические и властные ресурсы” подчеркивает и И.С. Семененко [Семененко 2016: 9].

При всей взрывоопасности межэтнических отношений и большей подверженности конфликтам этнически поляризованных обществ, разобщение и взаимная враждебность не обязательно перерастают в открытые столкновения. Риски этнических конфликтов могут так и остаться латентными, если для их реализации не возникнет провоцирующих поводов. Как отмечали еще в 1990-е годы Дж. Фирон и Д. Лейтин, “несмотря на серьезные напряженности, этнические отношения, основанные на мире и сотрудничестве (интеграции), являются более типичным явлением, чем крупномасштабное насилие”. Приводя это высказывание, М.Е. Попов развивает заложенную в него мысль: “Сами по себе культурные различия еще не приводят к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к социокультурной интеграции и межэтническому диалогу” [Попов 2016: 86, 88].

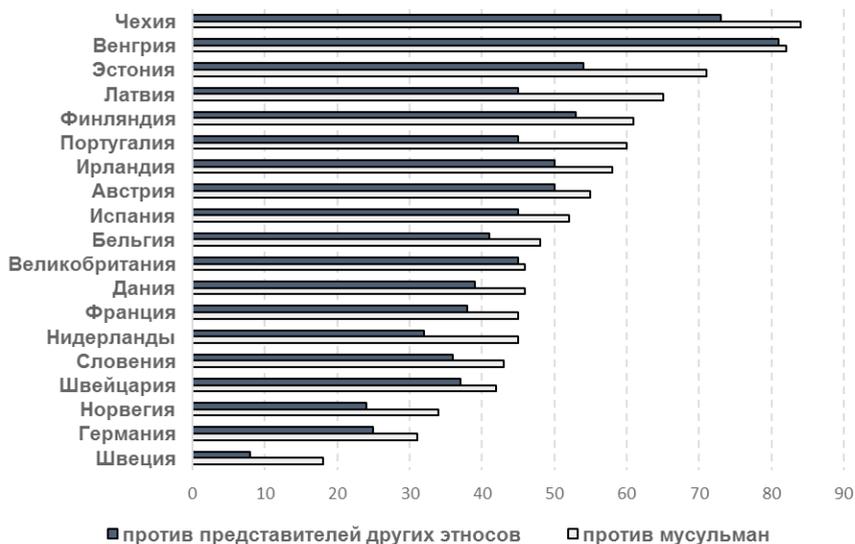
Р. Патнэм подчеркивает, что само по себе “разнообразие *не* порождает плохих межрасовых отношений или этнически обусловленной групповой враждебности” [Putnam 2007: 150-151]. А. Хис и Н. Демирева выявляют, что в Великобритании высокий уровень доверия внутри небелых меньшинств сосуществует с их позитивной ориентацией на интеграцию, высокой степенью идентификации с британцами и низким уровнем враждебности по отношению к белым людям. Исследователи отмечают у потомков мигрантов “межпоколенческий сдвиг от параллельной жизни и обособленной культуры к британскому мейнстриму” [Heath, Demireva 2014: 165].

Данные *ESS* рисуют неоднозначную картину состояния межэтнических отношений. На негативизм в отношении инокультурных иммигрантов, прежде всего мусульман, указывает достаточно высокая в большинстве стран, особенно Венгрии и Чехии, доля настроенных против приема таких новых мигрантов (см. рис. 1). Такая установка коррелирует с мнением европейцев о том, что иммигранты платят меньше налогов, чем получают пособий, и повышают уровень преступности. Подобное восприятие приезжих чутко реагирует на резкие скачки в их численности.

Тем не менее, по данным *ESS*, в 2014 г. 49% местных жителей, в том числе более 60% в странах Северной Европы, кроме Норвегии, считали свои контакты с представителями этнических меньшинств весьма хорошими (оценивая их в 7-10 баллов по шкале от 0 до 10), а средняя оценка по всей страновой выборке достигала 6.7 балла (7 и более баллов на севере этого макрорегиона). В большинстве стран менее 6% опрошенных считали плохими (0-3 балла) отношения с этническими меньшинствами. Кроме того, европейцы скорее были склонны полагать, что иммигранты обогащают, а не разрушают их культуру; улучшают, а не ухудшают условия жизни в этих странах. Позитивное восприятие мигрантов коренными жителями и лучшее состояние отношений с ними коррелируют с интенсивностью таких контактов, наличием близких друзей среди представителей других этнокультурных групп, низкой значимостью принадлежности начальника или / и супругов близких родственников к этническим меньшинствам.

Отношение к мигрантам: доля респондентов, считающих, что за редким исключением не следует позволять никому из представителей других этносов / мусульман приезжать в их страну, 2014 г., % коренного населения

Attitude to migrants: Share of respondents who believe that with few exceptions we should not allow people of other ethnic groups to come and live here, 2014, % of the native population

Источник: ESS 2014.

Повышенную долю (11%) оценивающих межэтнические отношения как плохие в Чехии и Венгрии, где удельный вес мигрантов ниже, чем в основной части ЕС, и, соответственно, контакты с ними случаются реже, можно отнести на счет предрассудков⁷.

Показательно, что практически во всех странах выборки ESS 2014 г. (исключение составляют Чехия, Венгрия и Латвия, где доля инокультурных мигрантов незначительна) для большей части опрошенных скорее не имеет значение ни национальность (этнос) непосредственного руководителя, ни факт возможных родственных отношений с представителями другой культуры (выбор 0–4 балла по шкале 0–10, где “0” означает, что этнос не имеет никакого значения). Причем в Швеции 90% опрошенных мало обращают внимание на этнос индивидов, в Нидерландах, Германии — около 80%, в Великобритании, Франции, Бельгии примерно 70% готовы работать под началом представителей другой национальности и вступать в родственные отношения с ними. Все это свидетельствует об отсутствии предрассудков и о потенциальной готовности взаимодействия большинства европейцев с иноэтническими жителями.

Особо важную роль в улучшении межэтнических отношений играет желание самих мигрантов адаптироваться к местной среде. Согласно данным ESS, 71% представителей этнических сообществ придают большую значимость (7–10 баллов по шкале от 0 до 10) соблюдению правил и стиля жизни

⁷ На индивидуальном уровне фиксируется статистически значимая тесная связь между наличием предрассудков и более низкой оценкой контактов, а также между наличием предрассудков и отсутствием контактов.

принимающей страны, а не считают это важным (0–3 балла) лишь 9%. У мусульман, среди которых соответствующие показатели составляют 59 и 14%, также доминирует интеграционная установка, хотя и в меньшей степени. Симптоматично, что 82% представителей этнических меньшинств в Европе выразили сильное или очень сильное чувство принадлежности стране проживания⁸. Хотя неготовность существенной части инокультурных сообществ к аккультурации несет сильный конфликтный заряд, преобладание среди них стремящихся к полноценной инкорпорации в европейские социумы создает фундамент для добрососедских межэтнических отношений.

Американский политолог Б. Рубл показывает, как в условиях многолетнего противостояния старожильческих этнических, расовых или языковых групп, например, франко- и англоязычных жителей Монреаля, белых и афроамериканцев в Вашингтоне, каталонцев и кастильцев в Барселоне, новые потоки мигрантов, представляющих иные этносы, расы и языки, нежели конфликтующие стороны, становятся своего рода “связующим звеном”, или “социальным клеем” между этими группами, оспаривая широко распространенное суждение о невозможности интеграции приезжих в дезинтегрированный социум. Однако для ослабления существующей конфронтации нужно не просто добавить в социум новые группы, а увеличить так наз. капитал разнообразия, т.е. обеспечить политические и институциональные условия для аккомодации таких мигрантов в городские сообщества [Rouble 2005: 84].

Здесь уместно поставить вопрос о том, при каких количественных и качественных характеристиках разнообразия возможны его позитивные эффекты на социальный климат в принимающих обществах. Как свидетельствует анализ данных *ESS*, позитивному восприятию “чужестранцев” способствуют постоянные контакты с ними при условии, что мигрантов вокруг не очень много и их концентрация ограничена. Наличие сравнительно небольшого числа представителей этнических меньшинств значительно снижает восприятие угроз от мигрантов во всех странах по сравнению с их отсутствием или большим скоплением [Монусова 2016: 98]. Данный вывод говорит о том, что порог перехода от позитивного воздействия численности мигрантов на состояние межкультурных отношений к негативному довольно низок, что актуализирует социальные риски разрастания мусульманских анклавов. При этом на благополучных в социально-экономическом отношении, протестантских и более толерантных к “чужакам” в силу культурно-исторических особенностей развития территориях такой порог может быть выше, что необходимо учитывать при планировании расселения мигрантов.

Кроме того, нехристианский бэкграунд мигрантов сам по себе не оказывает принципиального влияния на отношение к ним местного населения. Для местного населения наиболее важны такие качества мигрантов, как их готовность и желание принимать нормы и правила нового социума [там же: 101]. Этот факт говорит о возможности снижения интенсивности этнической, конфессиональной и др. окрашенности отношений между местными и приезжими и ослабления привязки их состояния к цивилизационным принад-

⁸ Близкие результаты показывает и обследование социологического центра *ICM Research* в 2015 г. 49% опрошенных британских мусульман хотели бы полностью интегрироваться с немусульманами во всех сферах жизни; 29% – в большей части областей, кроме исламских школ и законов. Лишь 1% предпочел бы жить в полностью обособленных исламских районах с шариатским судом и правлением. *C4/ Juniper Survey of Muslims 2015*. P. 82. URL: <https://www.icmunlimited.com/wp-content/uploads/2016/04/Mulims-full-suite-data-plus-topline.pdf> (accessed 16.04.2017).

лежностям участвующих сторон. Он указывает на повышение значимости в таком взаимодействии интеграционного потенциала как самих мигрантов (включая знание языка страны проживания, наличие хорошего образования и нужной профессии), так и их социального окружения. (Хотя, разумеется, в силу культурно-исторических особенностей такой потенциал у одних групп в определенной среде может быть гораздо выше, чем у других.)

Вместе с тем, учитывая изменения в массовых настроениях и ориентациях, произошедшие после ряда недавних знаковых событий в европейских странах, ареалов доброжелательности и гостеприимства, необходимых для успешной интеграции приезжих, становится все меньше. В 2016 г. 72% жителей Франции, от 60 до 70% — Бельгии, Швеции и Италии были настроены пессимистично в отношении возможности успешной интеграции большинства беженцев⁹.

Таким образом, в современных условиях разнообразие выступает фактором разобщения и дестабилизации культурно гетерогенных социумов. Очевидно, что, если пустить эти процессы на самотек, их эффект может быть весьма разрушительным.

Тем не менее при определенных условиях оно обладает потенциалом ослабления межкультурных противоречий, консолидации расколотых сообществ и превращения их в социальные организмы, функционирующие по принципу “*E Pluribus Unum*” — во многом единое, единство во множестве. Приводимые Р. Патнэмом примеры свидетельствуют, что “в долгосрочном плане успешным обществам удалось преодолеть этнокультурные разломы, создавая новые, сквозные формы социальной солидарности и более всеобъемлющие идентичности” [Putnam 2007: 137], которые формируются поверх этнических, лингвистических, конфессиональных и т.п. границ.

98

И тут возникает самый сложный вопрос: как создать условия для развертывания межкультурного диалога и формирования чувства сопричастности приверженцев разных культур?

ПОИСКИ НОВЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ

Негативные последствия культурного разнообразия обусловлены неспособностью принимающего общества вместить, интегрировать это разнообразие, сгладить его наиболее острые проявления и обеспечить нормальные межкультурные отношения. Учитывая устойчивость инокультурного маркера коллективной идентичности мигрантских сообществ, большую длительность ассимиляционного процесса, порой растягивающуюся на несколько поколений, распространение “ксенорасизма” в принимающих обществах и др., — полная ассимиляция этнических меньшинств, при которой они утратят свою самобытность и поглотятся коренным населением, нереалистична. Этим во многом объясняется пробуксовка ассимиляционного подхода к интеграционной политике в отношении мусульман, доминирующего во Франции, Швейцарии, Бельгии и Австрии, а сравнительно недавно усилившегося и в целом ряде других стран. Более того, меры принудительной ассимиляции иммигрантских общин, подавляющие примордиальные слагаемые идентичности последних, провоцируют сопротивление “реактивной этничности”.

Хотя большинство иммигрантов предъявляет запрос на мультикультурную интеграцию, этот запрос фактически игнорируется в практике управления

⁹ *Global Views on Immigration and the Refugee Crisis*. P. 21.

культурным многообразием принимающих обществ, что во многом объясняет его неудачи. Политика мультикультурализма, поощряющая сохранение унаследованных элементов культурной идентичности, не благоприятствует при этом развитию чувства принадлежности новой культуре, лояльности стране проживания. Более того, местное население зачастую отказывает мигрантам в признании их новой культурной идентичности. Оно видит в приезжих “вечных чужаков”, угрожающих не только переформатированием национальной идентичности в результате включения в нее иных культурных идентичностей, но и ее полным разрушением. Подобные представления усугубляются опасениями рисков для безопасности принимающих стран, исходящих от множественной лояльности и соответственно политической ненадежности мигрантов, в частности взращиваемого в домашних условиях исламского терроризма.

В ситуации кризиса европейской интеграционной политики предлагаются новые, отличные от мультикультурализма и ассимиляции, модели организации межкультурных отношений, базирующиеся на признании существования в обществе этнических и прочих различий и ориентированные на поиск основ сближения представителей разных культур. Как это ни парадоксально в условиях современного обострения этнокультурных противоречий в Европе, там просматриваются основания для межкультурного диалога. Так, 75% опрошенных на территории ЕС осенью 2016 г. считали, что у жителей их страны есть много общего. В Швеции этот показатель достигал 92%, а в Ирландии — 94%¹⁰. Более того, согласно опросу исследовательского центра *Survation* в 2015 г., 71% британских мусульман считали совместимыми ценности ислама и британского общества¹¹.

Иранский психолог Ф. Могхамдам продвигает модель **омникультурализма**. Ученый пишет: “Конечной целью омникультурализма является построение общества, в которые люди осознают общность человеческой природы и отдают ей приоритет, оставляя также место для признания и дальнейшего развития групповых отличий” [Moghaddam 2012: 306]. Фактически омникультуралистская модель предполагает выстраивание своеобразной двойственной идентификации: с некой транскультурной общностью как категорией высшего (*superordinate*) порядка и с локальной культурной группой. Инструментом реализации данного подхода должна стать система образования, на первой стадии прививающая учащимся идеи общности человеческих ценностей и универсалий человеческого поведения, а на второй — определяющая групповые различия и подчеркивающая ценности разнообразия, однако при этом отдающая приоритет общности людей.

Тем не менее люди, конструируя универалистский концепт человеческой природы как категорию высшего порядка, нередко склонны воспринимать именно свою группу как более прототипичную, что ведет к инфрагуманизации, т.е. дискриминации других групп. Например, коренные жители Германии, идентифицируя себя одновременно как немцев и европейцев, стремятся исключать аутгруппы, в частности иммигрантов, из своего определения высшей — европейской — категории. В этом отношении показательны данные *ESS*, согласно которым в Чехии, Португалии, Венгрии и Эстонии треть и более коренного населения считает, что представители разных наций отли-

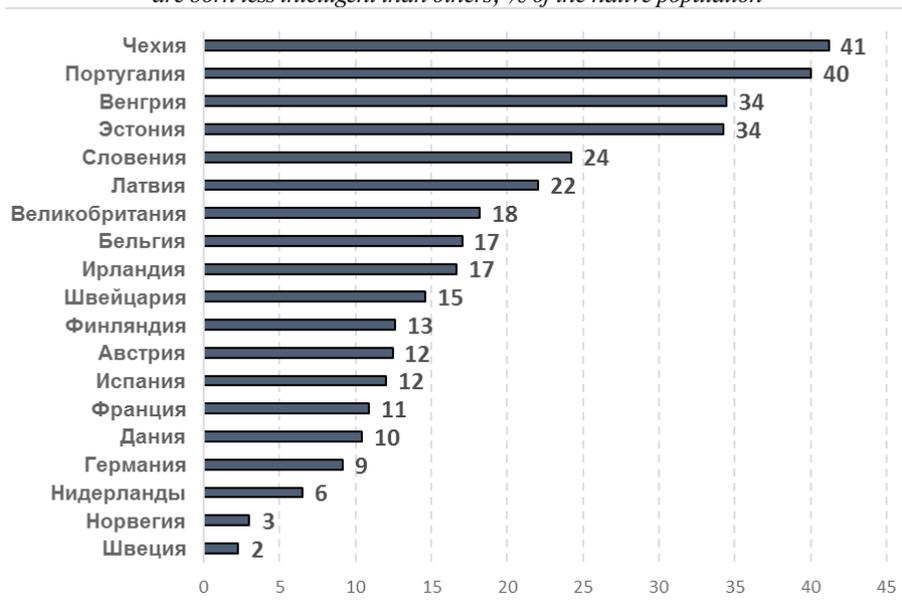
¹⁰ *Standard Eurobarometer*. Autumn 2016. No. 86. Annex. T. 157.

¹¹ *British Muslims Poll*. Prepared by on behalf of Sky News. 2015. Table 1. URL: <http://interactive.news.sky.com/2015/PDFs/Sky-Muslim-Poll.pdf> (accessed 17.12.2016).

чаются друг от друга врожденным уровнем интеллекта (см. рис. 2). Поэтому некоторые сторонники омникультурализма полагают, что необходимо более широкое понятие человеческой природы, включающее ее понимание в других культурах и фокусирующееся на сходстве первичных человеческих эмоций.

Рисунок 2 (Figure 2)

Доля респондентов, считающих, что представители определенных наций отличаются врожденным уровнем интеллекта, 2014 г., % коренного населения
 Share of respondents who believe that some races or ethnic groups are born less intelligent than others, % of the native population

Источник: ESS 2014.

Историками Р. Келли и В. Прашадом предложена модель *поликультурализма*. В рамках этого подхода акцентируются исторические и современные взаимосвязи и взаимовлияния групп, относящихся к разным этносам, расам и культурам. Отмежевываясь от эссенциалистского рассмотрения культур как обособленных и неизменных, авторы представляют культуры и народы как продукт пересекающихся историй и взаимосвязей между разными этническими и расовыми группами [Prashad 2003]. Сторонники этого подхода считают, что распространение идей поликультурализма, в том числе через систему образования, и осознание людьми такой общности (“Все мы – наследники прошлого европейцев, африканцев, американских индейцев и ...азиатов”¹²), позволит улучшить их отношения с отличными другими и более комфортно себя чувствовать рядом с ними.

Однако представители некоторых групп, особенно маргинальных, могут фокусироваться и на негативных аспектах таких связей, например, рабстве и колонизации, навязывании культуры господствующей группы и т.п. Представители доминирующих культур также недооценивать роль других культур: как минимум 27% коренных жителей европейских стран (во Франции) считает, что одни культуры лучше других. А в Норвегии и Дании этот

¹² Kelley R. 1999. Polycultural Me. – *Ume Reader*. No. 95. P. 81.

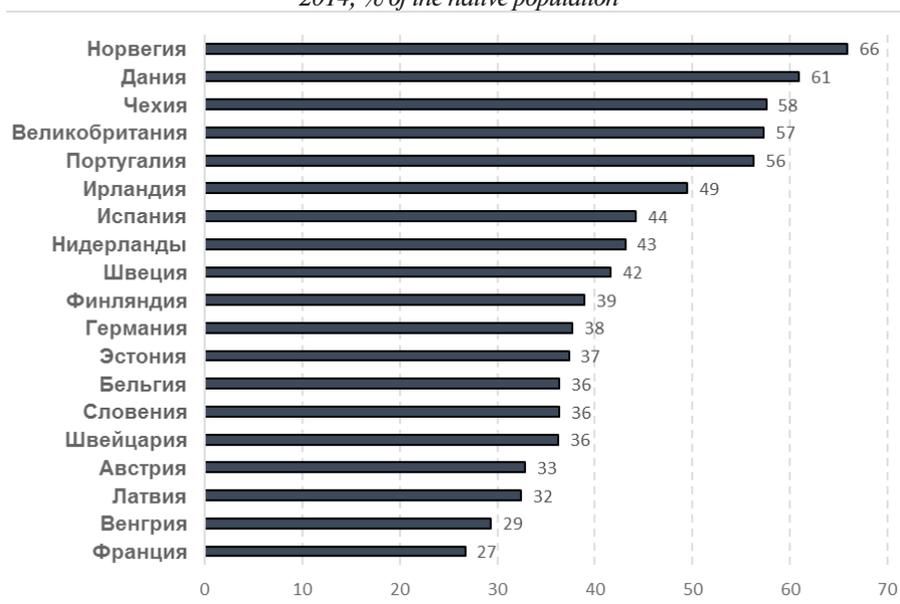
показатель зашкаливает за 60% (см. рис. 3). Все это ограничивает потенциальные имплементационные возможности данной модели, как и предыдущей.

Учитывая возможности подобной негативной реакции людей, сторонники этого подхода считают предпочтительным нейтральный вариант этой концепции, признающий наличие взаимосвязей без их оценки или же подчеркивающий как их позитивные, так и негативные аспекты. Таким образом, оба подхода не представляются самодостаточными. Более того, они могут иметь лишь отложенное во времени, ограниченное и при том далеко не всегда позитивное влияние.

Рисунок 3 (Figure 3)

Доля респондентов, считающих, что отдельные культуры лучше других,
2014, % коренного населения

Share of respondents who believe that some cultures are better than others,
2014, % of the native population

Источник: ESS 2014.

Как следует из теории контакта (Г. Оллпорт и др.), для налаживания продуктивного взаимодействия разных этнокультурных групп необходимо наличие у них общих интересов. В этой связи растущий интерес вызывает *интеркультурализм*, продвигаемый Ч. Тейлором, Ж. Бушаром, Т. Кэнтлом и рядом других исследователей. Он делает ставку на налаживание позитивного межкультурного взаимодействия между людьми на основе поиска общих интересов и признания ими взаимной ответственности [Taylor 2012, Voucharde 2011 и др.].

Теоретики данного подхода полагают, что его реализация должна обеспечить социальное сплочение и политическую стабильность, развитие креативных и инновационных возможностей общества, трактуя культурное многообразие как ресурс развития последнего. В рамках интеркультуральной политики предусматривается содействие гражданской и социально-экономической интеграции представителей этнических меньшинств, формирование их приверженности ценностям, истории и традициям принимающей нации.

Одновременно реализация такого курса призвана обеспечивать возможности сохранения этничности и религиозной принадлежности как важного компонента идентичности, не препятствующего культурной идентификации с принимающим обществом [Zapata-Barrego 2015].

Целью интеркультурных практик является улучшение взаимопонимания и осознание людьми не только проблем и рисков, но и преимуществ совместности, а по большому счету — кросс-культурное взаимообогащение и утверждение согласованных транскультурных идентичностей. Поскольку носители последних обладают более толерантным мышлением, способностью фокусироваться на общем, сближающем, а не на различиях, уважая при этом последние, это делает таких индивидов “идеальными медиаторами межкультурных конфликтов и разобщенности в сообществах, нациях и мире в целом” [Benet-Martínez 2012: 639]. Учитывая потенциал позитивной развертки транскультурных идентичностей, их позитивного совмещения с гражданской идентичностью, межкультурное взаимодействие может способствовать преодолению на микроуровне антагонизмов “мы—чужие” и поддержанию в многосоставных социумах гражданского согласия. В этом видится потенциал формирования общности людей на транскультурной основе [Cuccioletta 2001 / 2002: 9].

Однако интеркультурализм — это пока не стройная теория, а скорее система принципов интеграционной политики на уровне городов и их кварталов, реализуемых в сфере управления, школьного обучения, трудоустройства молодежи, организации досуга и т.п. Особенно важно, что интеркультурные инициативы, включая и дни этнической кухни, спортивные фестивали и др., способствуют созданию снизу пространств совместности представителей разных культур в городском парке, студенческом клубе, на стадионе, веб-сайте и т.п. Существенно и то, что интеграция в рамках этой управленческой модели может происходить гораздо быстрее, нежели ассимиляционной.

Хотя европейские интеркультурные практики пока не многочисленны, они уже позитивно себя зарекомендовали на локальном уровне, что обуславливает необходимость поиска механизмов реализации этих принципов на субнациональном и национальном уровнях. Продвижение этой модели в разных странах будет во многом зависеть от отношения масс к иммиграции и степени готовности правящих элит к конструктивной организации разнообразия.

Нарастающая этнокультурная неоднородность населения стран Европы порождает не только вызовы и риски, но и открывает новые возможности для развития их социумов. Однако интегрирующий потенциал этнокультурного разнообразия реализуем лишь при нахождении и эффективной реализации действенных моделей управления социальным общежитием представителей разных культур. По-видимому, интеркультурализм способен в будущем дать наиболее адекватный ответ на происходящие этнокультурные сдвиги. Формирование транскультурных идентичностей может стать залогом возникновения новых форм социальной солидарности в многосоставных социумах.

Малахов В.С. 2014. *Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций*. М.: Новое литературное обозрение. 232 с.

Монусова Г.А. 2016. Восприятие иммигрантов европейским общественным мнением. — *Мировая экономика и международные отношения*. № 11 (60). С. 58-70. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-11-58-70>

Попов М.Е. 2016. Роль социокультурной интеграции в урегулировании конфликтов (на примере Северного Кавказа). — *Пути к миру и безопасности*. № 1 (50). С. 83-91.

Семененко И.С. 2016. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 8-28. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. 2016. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы “большой теории”. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 69-94. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.06>

Филиппова Е.И., Герен-Пас Ф. 2015. Расовые и этнические категории в переписях 2010-х годов. — *Этнографическое обозрение*. № 1. С. 5-25.

Цапенко И.П. 2016. Экономические ресурсы этнокультурного разнообразия. *Мировая экономика и международные отношения*. № 11(60). С. 35-46. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-11-35-46>

Alba R. 2005. Bright vs. Blurred Boundaries: Second-Generation Assimilation and Exclusion in France, Germany, and the United States. — *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 28. No. 1. P. 20-49. DOI: <https://doi.org/10.1080/0141987042000280003>

Aspinall P.J. 2011. The Utility and Validity for Public Health of Ethnicity Categorization in the 1991, 2001 and 2011 British Censuses. — *Public Health*. Vol. 125. No. 10. P. 680-687. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2011.05.001>

Benet-Martínez V. 2012. Multiculturalism: Cultural, Social, and Personality Processes. — Ed. by K. Deaux, M. Snyder. *Oxford Handbook of Personality and Social Psychology*. Oxford: Oxford University Press. P. 623-648.

Berry E., Epstein M. 2005. *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication*. New York: St. Martin's Press. 352 p.

Bouchard G. 2011. What is Interculturalism. — *McGill Law Journal*. Vol. 56. No. 2. P. 435-468.

Cuccioletta D. 2001/2002. Multiculturalism or Transculturalism: Towards a Cosmopolitan Citizenship. — *London Journal of Canadian Studies*. Vol. 17. P. 1-11.

Heath A., Demireva N. 2014. Has Multiculturalism Failed in Britain? — *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 37. No. 1. P. 161-180. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870.2013.808754>

Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling in. 2015. Paris, OECD. 348 p. URL: <http://www.oecd.org/els/mig/Indicators-of-Immigrant-Integration-2015.pdf> (accessed 06.06.2017).

Lichter D. 2013. Integration or Fragmentation? Racial Diversity and the American Future. — *Demography*. Vol. 50. No. 2. P. 359-391. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13524-013-0197-1>

Moghaddam F.M. 2012. The Omnicultural Imperative. — *Culture & Psychology*. Vol. 18. No. 3. P. 304-330. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354067X12446230>

Muslims in Europe. A Report on 11 EU Cities. 2010. New York, London, Budapest: Open Society Institute. 2010. 346 p.

Prashad V. 2003. Bruce Lee and the Anti-Imperialism of Kung Fu: A Polycultural Adventure. — *Positions: East Asia Cultures Critique*. Vol. 11. No 1. P. 51-89.

Putnam R. 2007. E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-First Century. — *Scandinavian Political Studies*. Vol. 30. No. 2. P. 137-174. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9477.2007.00176.x>

Rouble B. 2005. *Creating Diversity Capital: Transnational Migrants in Montreal, Washington and Kyiv*. Washington: Woodrow Wilson Center Press. 267 p.

Taylor C. 2012. Interculturalism or multiculturalism? — *Philosophy and Social Criticism*. Vol. 38. No. 4-5. P. 413-23. DOI: <https://doi.org/10.1177/0191453711435656>

Vertovec S. 2007. Super-Diversity and Its Implications. — *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 30. No. 6. P. 1024-1054. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870701599465>

Zapata-Barrero R. 2015. Interculturalism: Main Hypothesis, Theories and Strands. — *Interculturalism in Cities. Concept, Policy and Implementation*. Ed. by R. Zapata-Barrero. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar Publishing. P. 3-19.

DOI: [10.17976/jpps/2017.04.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.07)

INTEGRATION CAPACITY OF ETHNO-CULTURAL DIVERSITY IN EUROPEAN SOCIETIES

I.P. Tsapenko¹, G.A. Monusova¹

¹Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

TSAPENKO Irina Pavlovna, Dr. Sci. (Econ.), Head of Section, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: tsapenko@bk.ru; MONUSOVA Galina Alekseevna, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: g.monusova@gmail.com

Tsapenko I.P., Monusova G.A. Integration Capacity of Ethno-Cultural Diversity in European Societies. — *Polis. Political Studies*. 2017. No. 4. P. 90-105. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.07>

Acknowledgments. The article was prepared with financial support provided by the Russian Foundation for Humanities (research grant № 16-07-00008 “Integration of Migrants with Different Cultural Background: Prospects of Interculturalism”)

Received: 23.12.2016. Accepted: 06.04.2017

104

Abstract. The article offers an analytical picture of the ethno-cultural shifts taking place in the developed regions of the world, socio-political impact of those shifts, prospects and framework for the realization of integration potential of diversity. These topics are analyzed from the standpoint of the identity approach in the context of theories of conflict and contact and using microdata of the European Social Survey. It is shown that global migration increases ethnic and cultural heterogeneity of host societies which is becoming more and more a powerful factor of the decline of trust, cohesion and stability of these societies. The migration crisis in the EU has increased the threat of translating the ethno-cultural contradictions into a destructive conflict of identities. Meanwhile following the logic of migration processes and their effects development, the transient nature of the escalation of intercultural confrontation may be assumed. The factors facilitating positive interethnic interaction are identified. The article provides examples of diversity contributing to the alleviation of intercultural tensions and transformation of the divided communities into social organisms operating as “E Pluribus Unum”. The realization of the positive potential of diversity requires an efficient model of intercultural relations based on the recognition of the existence of ethnic and other differences within society and focused on finding the foundations for the rapprochement of cultures which is different from multiculturalism and assimilation. Given that as omniculturalism, emphasizing the commonality of human nature, and polyculturalism, representing cultures and nations as a product of overlapping histories of different ethnic and racial groups and their relationships, could generate contradictory effects, interculturalism seems to be more promising. This approach is focused on searching common interests of people and stimulating an intercultural dialog from below. Though intercultural initiatives are not numerous, they have already given a good account, requiring the search of instruments of practical implementation of such practices at the subnational and especially national levels.

Keywords: immigration; ethno-cultural diversity; interethnic and interreligious relations; ethnic conflicts; identity; integration; interculturalism; European social survey.

References

Alba R. Bright vs. Blurred Boundaries: Second-Generation Assimilation and Exclusion in France, Germany, and the United States. — *Ethnic and Racial Studies*. 2005. Vol. 28. No. 1. P. 20-49. DOI: <https://doi.org/10.1080/0141987042000280003>

Aspinall P.J. The Utility and Validity for Public Health of Ethnicity Categorization in the 1991, 2001 and 2011 British Censuses. — *Public Health*. 2011. Vol. 125. No. 10. P. 680-687. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.puhe.2011.05.001>

Benet-Martínez V. Multiculturalism: Cultural, Social, and Personality Processes. — *Oxford Handbook of Personality and Social Psychology*. Ed. by K. Deaux, M. Snyder. Oxford: Oxford University Press. 2012. P. 623-648.

Berry E., Epstein M. *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication*. New York: St. Martin's Press. 2005. 352 p.

Bouchard G. What is Interculturalism. — *McGill Law Journal*. 2011. Vol. 56. No. 2. P. 435-468.

Cuccioletta D. Multiculturalism or Transculturalism: Towards a Cosmopolitan Citizenship. — *London Journal of Canadian Studies*. 2001/2002. Vol. 17. P. 1-11.

Filippova E.I., Geren-Pas F. Racial and Ethnic Categories in Censuses of the 2010s. — *Ethnographic Review*. 2015. No. 1. P. 5-25. (In Russ.)

Heath A., Demireva N. Has Multiculturalism Failed in Britain? — *Ethnic and Racial Studies*. 2014. Vol. 37. No. 1. P. 161-180. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870.2013.808754>

Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling in. Paris, OECD. 2015. 348 p. URL: <http://www.oecd.org/els/mig/Indicators-of-Immigrant-Integration-2015.pdf> (accessed 06.06.2017).

Lichter D. Integration or Fragmentation? Racial Diversity and the American Future. — *Demography*. 2013. Vol. 50. No. 2. P. 359-391. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13524-013-0197-1>

Malakhov V.C. *Kul'turnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsii* [Cultural Difference and Political Borders in the Age of Global Migrations]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. 232 p. (In Russ.)

Moghaddam F.M. The Omnicultural Imperative. — *Culture & Psychology*. 2012. 18. No. 3. P. 304-330. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354067X12446230>

Monusova G.A. Public Attitudes towards Migrants in Europe. — *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. Vol. 60. No. 11. P. 58-70. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-11-58-70>

Muslims in Europe. A Report on 11 EU Cities. 2010. New York, London, Budapest: Open Society Institute. 2010. 346 p.

Popov M.E. The Role of Socio-Cultural Integration in Conflict Resolution (the Case of the North Caucasus). — *Pathways to Peace and Security*. 2016. Vol. 1. No. 50. P. 83-91. (In Russ.)

Prashad V. Bruce Lee and the Anti-Imperialism of Kung Fu: A Polycultural Adventure. — *Positions: East Asia Cultures Critique*. 2003. Vol. 11. No 1. P. 51-89.

Putnam R. E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-First Century. — 2007. *Scandinavian Political Studies*. Vol. 30. No. 2. P. 137-174. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9477.2007.00176.x>

Rouble B. *Creating Diversity Capital: Transnational Migrants in Montreal, Washington and Kyiv*. Wash.: Woodrow Wilson Center Press. 2005. 267 p.

Semenenko I.S. Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context. — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 4. P. 8-28. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Classifying Ethnic Conflicts: Challenges for Political Theory and Methodology. — *Polis. Political Studies*. 2016. № 6. P. 69-94. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.06>

Taylor C. Interculturalism or Multiculturalism? — *Philosophy and Social Criticism*. 2012. Vol. 38. No. 4-5. P. 413-23. DOI: <https://doi.org/10.1177/0191453711435656>

Tsapenko I.P. Economic Resources of Ethnocultural Diversity. — *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2016. Vol. 60. No. 11. P. 35-46. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-11-35-46>

Vertovec S. Super-Diversity and Its Implications. — *Ethnic and Racial Studies*. 2007. Vol. 30. No. 6. P. 1024-1054. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870701599465>

Zapata-Barrero R. Interculturalism: Main Hypothesis, Theories and Strands. — *Interculturalism in Cities. Concept, Policy and Implementation*. Ed. by R. Zapata-Barrero. Cheltenham, U.K.: Edward Elgar Publishing. 2015. P. 3-19.